

Б. А. Ойзерман

Размышления
•
Пзречения

Ω

Теодор Ойзерман

Размышления. Изречения

«Языки Славянской Культуры»

2013

УДК 1/14
ББК 87

Ойзерман Т. И.

Размышления. Изречения / Т. И. Ойзерман — «Языки
Славянской Культуры», 2013

ISBN 978-5-9551-0616-8

Основное содержание Размышлений составляет разработанная автором теория историко-философского процесса, метафилософия, отправным положением которой является осмысление того факта, что философия всегда существовала (и продолжает существовать) как неопределенное множество существенно разных учений, которые противостоят друг другу, что подлежит позитивно оценивать как постоянное умножение идейного богатства философии. Негативистской оценке многоликости философии противопоставляется и в высшей степени положительная оценка. В конечном счете, философия и историко-философский процесс диалектически тождественны. Изречения представляют собой многочисленные попытки афористического осмысления жизненной реальности.

УДК 1/14
ББК 87

ISBN 978-5-9551-0616-8

© Ойзерман Т. И., 2013
© Языки Славянской Культуры, 2013

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Философия как плюралистическое познание	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Теодор Ойзерман

Размышления. Изречения

Теодор Ильич Ойзерман (род. 1914) – крупный российский философ, доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии наук, почетный доктор Йенского университета, член Международного Института философии (Париж) и других академий, лауреат Государственной премии СССР, премий «Триумф», Ломоносова, Плеханова, автор более 500 трудов.

Среди недавних: Марксизм и утопизм (2003), Оправдание ревизионизма (2005), Кант и Гегель.(2008), Метафилософия (2009), Возникновение марксизма (2010), Амбивалентность философии (2011).

Предисловие

Мне 97 лет. Давно, конечно, пора подвести итоги моей научной и педагогической деятельности. Сделать это, увы, нелегко. Свыше 600 публикаций, из них 250 (если не более) на иностранных языках. 40 монографий и брошюр, причем с 1999 по 2010 семь капитальных монографий и сборник статей. Что касается их содержания, о нем были многочисленные рецензии в «Вопросах философии», обстоятельные статьи в «Вестнике РАН» и других изданиях. Стоит указать и на тот факт, что обсуждение монографии «Марксизм и утопизм» на страницах «Вопросов философии» заняло свыше 50 страниц. Еще больше места заняло на страницах того же журнала обсуждение монографии «Оправдание ревизионизма». В нем участвовало 12 человек, в том числе пять академиков РАН. Мои исследования удостоены премии М. В. Ломоносова (1965), премии АН СССР (1981), Государственной премии (1983), премии «Триумф» (2008).

Четверть века я отдал педагогической работе в МГУ и других вузах. На философском факультете мной была создана кафедра истории зарубежной философии, которой я руководил 21 год. Приняв решение сосредоточиться на научно-исследовательской работе, я перешел в Институт философии АН СССР в 1968 г. и в течение 18 лет руководил сначала сектором истории классической философии, а затем всем отделом истории философии (пять секторов). В 1986 г. я стал советником РАН, т. е. фактически освободился от всех обязанностей, кроме исследовательской работы. Это сделало мои исследования еще более интенсивными, о чем свидетельствуют перечисленные выше издания.

Коротко о том, что я считаю главными моими достижениями. Мной систематически разработана теория историко-философского процесса. Она изложена в следующих монографиях: «Проблемы историко-философской науки» (1969), «Основы теории историко-философского процесса» (1983), «Философия как история философии» (1999), «Метафилософия» (2009), «Амбивалентность философии» (2011). Коснусь наиболее важного, на мой взгляд, положения этой теории: существование множества противостоящих друг другу философских учений – не порок, дискредитирующий философию, как полагали многие выдающиеся философы, а главное достоинство философии, состоящее в том, что постоянно умножаются концепции, идеи, понятия, обогащается содержание философии, отнюдь не сводимое к содержанию какого бы то ни было великого, гениального учения. В монографии «Философия как история философии» этот принцип излагается следующим образом: «Философия, в отличие от любой науки, каков бы ни был исторический уровень ее развития, существует как неопределенное множество философских учений, которые противостоят друг другу, но вместе с тем фактически, несмотря на разногласия, дополняют друг друга. Таков *modus essendi* философии. Такой она была уже в первое столетие своего исторического бытия, такой она осталась и в наше время, и нет оснований полагать, что когда-нибудь в будущем философия утратит свою многоликость, являющуюся специфической формой познания». Поэтому негативное отношение к плюрализму философских учений следует считать устаревшим воззрением, которое подлежит преодолению. Догматическое заблуждение уповает на то, что философский плюрализм существует лишь постольку поскольку развитие философии еще не увенчалось последней системой, абсолютной истиной в последней инстанции. Творческое философское мышление есть прежде всего отрицание философского догматизма и негативистского отношения к многообразию философий.

Понятие амбивалентности философии, разработанное мною в отдельной монографии, является дальнейшим развитием теории историко-философского процесса. Речь идет о том, что всякое (в том числе и великое) философское учение внутренне противоречиво, включает в себе взаимоисключающие положения, что однако является не пороком, а достоинством этого

учения, поскольку благодаря амбивалентности осуществляется коррекция ряда положений, их развитие. Амбивалентно само отношение философских учений друг к другу, поскольку они противостоят друг другу, отрицают друг друга, несмотря на то, что все (или почти все) философы согласны друг с другом в том, какие тексты являются философскими, а какие таковыми не являются.

Философская критика, критика философии философами также, конечно, амбивалентна, что нередко проявляется и в отрицании философами философии, хотя это отрицание оказывается-с я на деле лишь новым философским учением. Философская критика, имманентно присущая каждому философскому учению, есть не только *вызов*, но и действительное развитие философии, поскольку возникают новые философские идеи, понятия, концепции и тем самым обогащается содержание философии и реально осуществляется прогресс, суть которого именно и состоит в перманентном обогащении содержания философии, в возникновении новых философских учений.

Вторым моим достижением я считаю отрицание гегелевского и марксистского основоположения об всеобщих законах развития, определяющих природу, общество и познание. Научкам неизвестны такие формы всеобщности. Это значит, что законы диалектики фактически выдаются за имеющие сверхнаучную абсолютную значимость. Такое воззрение научно несостоятельно. Диалектические процессы, разумеется, существуют, но они не абсолютно всеобщы. Это относится и к переходу количественных изменений в изменения качественные, и к единству и борьбе противоположностей, и к отрицанию отрицания. Противоположности относительны, утверждает диалектика. Это верно, но далеко не всегда, не везде. Противоположность между цивилизацией и варварством – относительна, но противоположность между человечностью и бесчеловечностью – абсолютна.

Третьим моим достижением я считаю восстановление статуса *абстрактной истины*. Гегель решительно утверждал: абстрактной истины нет, истина конкретна. Это положение вытекает из гегелевского онтологического (в духе Платона) истолкования истины. Однако тот же Гегель утверждает: конкретное есть единство различных определений. Что представляют собой эти определения? Конечно, абстрактные истины. Но Гегель об этом умалчивает. В. И. Ленин вслед за Гегелем часто повторял: истина конкретна, абстрактной истины нет. Но достаточно рассмотреть законы, формулируемые естествознанием. Все эти формулировки – абстрактные истины. К примеру, закон свободного падения тел. Оно характеризуется постоянным ускорением, *если* падение происходит в пустоте, которая в точном смысле слова (т. е. как отсутствие всего) не существует. Конкретное представление о падении тел дает аэродинамика. Это значит, что в науке постоянно происходит *конкретизация абстрактных истин*, т. е. переход от абстрактного к конкретному. Но сфера абстрактного в научных знаниях гораздо обширнее сферы конкретного знания.

Законы, которые открываются науками, суть формы всеобщности, а всякая всеобщность, поскольку речь идет о познании, неизбежно абстрактна, т. е. предполагает отвлечение не только от единичного, но и от особенного. Мышление есть абстрагирующая деятельность; абстрагирование есть образование абстракций. Последующий ход познания осуществляет в более или менее ограниченной сфере конкретизацию абстракций, т. е. переход от абстрактного к конкретному. Но абстрактное не исчезает, оно приобретает в конкретном новую форму. Отсюда ясно, что теория познания есть главным образом учение об абстрактном, поскольку она занимается анализом понятий.

Последними строками этого предисловия я хочу выразить мою искреннюю благодарность младшему научному сотруднику Института философии РАН Инге Алексеевне Лаврентьевой, которая отпечатала эту рукопись на компьютере и помогла мне своими замечаниями.

Часть I

Размышления

Философия как плюралистическое познание

Вопрос «Что такое философия?» совершенно по-разному звучит для учащихся, приступающих к изучению философии, для лиц, задающих этот вопрос из любознательности, и для самих философов, которые не находятся вне философии и все же постоянно задают этот вопрос самим себе, понимая, что ответ на него нельзя вычитать из книжки. Неискушенному в философии человеку вопрос «Что такое философия?» представляется элементарным вопросом, на который вполне отвечает учебное пособие. И этот неискушенный в философии читатель недоуменно пожимает плечами, когда он узнает, что даже великие философы, обсуждая этот вопрос, расходятся с другими философами в ответах на него. Он с удивлением узнает, что такой знаменитый философ, как Мартин Хайдеггер, опубликовал книжку «Что такое философия?» – научный доклад, прочитанный на заседании философского общества. С другими книгами, но с таким же названием, выступили и многие другие философы. Достаточно упомянуть хотя бы Ортегу-и-Гассета или Ж. Деле за с соавтором Ф. Гваттари. Еще более удивится этот неискушенный читатель, если ему процитируют одного из классиков немецкой философии И. Г. Фихте, который утверждал: «Едва ли найдется и полдюжины таких, которые знали бы, что такое собственно философия...» (Ясное, как солнце, изложение широкой публике о сущности новейшей философии. М., 1937. С. 3).

Фихте утверждал это в начале XIX века. С тех пор утекло немало воды. Но вопрос «Что такое философия?» остается вопросом, о котором продолжают спорить философы, как будто не знают, чем они занимаются. Математик, например, скажет: «То, чем я занимаюсь профессионально, называется математикой». И философы, надо сказать, в этом отношении не отличаются от математиков. Они, без сомнения, убеждены в том, что то, чем они занимаются, есть не что иное, как философия. Как ни значительны расхождения между философами (в том числе и по вопросу «Что такое философия?»), – все они, как уже указывалось, согласны в том, какие тексты являются философскими, а какие таковыми не являются, даже если они называются «Философия ботаники», как известная книга К. Линнея. Почему же спор о том, что такое философия, продолжается несмотря на это единодушие? Почему престарелый американский философ Д. Дьюи в своей последней университетской лекции заявил: «В настоящее время самым важным вопросом философии является вопрос: что такое философия сама по себе? Какова природа и функции философских занятий?» (См. *Adler M. The Conditions of Philosophy. Its checkered Past and its future Promise*. N. Y., 1965. P. VII).

Подытоживая приведенные высказывания и мои мысли о них, я могу, прежде всего, констатировать, что трудность ответа на вопрос «Что такое философия?» состоит в том, что существуют самые разные и, как правило, взаимоисключающие философские учения, что каждое из них по-своему понимает и предмет своего исследования, да и само понятие философии. Но дело не только в этом, пожалуй, даже совсем не в этом. Суть дела в том, что вопрос «Что такое философия?» есть не только философский вопрос. Речь здесь фактически идет о том, в какой мере человечество способно понять самого себя, управлять своим собственным развитием, стать хозяином своей судьбы, овладеть объективными, в немалой мере стихийными последствиями своей познавательной и созидательной деятельности.

Многообразие философских учений, их конфронтация друг с другом, которая удручала и удручает многих философов и историков философии, не порок философии, не свидетельство

ее бессилия решать ею же поставленные вопросы. Это, напротив, постоянно умножающееся богатство философских идей, методов исследования, выводов, ибо спорящие стороны, как бы они ни соглашались друг с другом, на деле обогащают философское мышление, развивают его проблематику и категориальный аппарат. Хотя согласие между философами скорее исключение, чем правило, философский спор есть тем не менее спор между единомышленниками, ибо философы согласны друг с другом в, так сказать, отрицательном определении понятия философии.

1

Физики или химики не ломают себе голову над вопросом «Что такое физика или химия?» Их не беспокоит то, что существует изрядное множество не согласующихся друг с другом ответов на этот вопрос. Они просто знают, что то, чем они занимаются, называется физикой или химией, и никто не оспаривает этого их убеждения. Также поступают и биологи, у которых тоже нет общепринятого ответа на вопрос: «Что такое биология?» Но философы не могут поступать подобным образом. Даже самые выдающиеся философы не могут отмахнуться от вопроса «Что такое философия?», хотя все они, подобно физикам и химикам, хорошо сознают, что то, чем они занимаются, есть не что иное, как философия.

Нет и не может быть общепринятого определения понятия философии. Это обстоятельство не следует истолковывать как тупиковую ситуацию. Не существует, например, общепринятого понятия культуры, но теория культуры, история культуры изобилует плодотворными научными исследованиями. Теоретиками культуры, полемизирующими друг с другом, предложено свыше 200 дефиниций понятия культуры. И это несколько не смущает культурологов, не ставит под вопрос предмет их исследований. Многообразие определений понятия культуры – достоинство культурологии, ибо лишь путем сопоставления, сравнительного анализа, критики и синтеза различных дефиниций конкретное постигается именно как конкретное, то есть единство многообразия. То же, конечно, относится и к философии. Впрочем, и предмет математики, физики или биологии, конечно, не может быть выражен одним определением, поскольку одно определение всегда абстрактно, односторонне и, следовательно, неудовлетворительно. И здесь, говоря по существу, нет и не может быть общепринятого определения предмета науки.

2

Часто задаются вопросами: «Является ли философия наукой?», «Возможна ли научная философия?» С формальной точки зрения философия, конечно, наука, поскольку в университетах наличествуют философские факультеты, проводятся философские исследования, издаются учебные пособия по философии, присваиваются после защиты философских диссертаций ученые степени и звания. Однако формальная точка зрения все же недостаточна для ответа на поставленные вопросы, так как она игнорирует многообразие философских систем, теорий, концепций. Одни из философских учений решительно противопоставляют себя наукам, оспаривают достоверность научных знаний. Другие философские учения, напротив, основывают свои исходные положения и конечные выводы на данных науки, естествознания прежде всего, осмысливают, обобщают эти данные, приходя таким образом к важным заключениям, например в теории познания, заключениям, с которыми сплошь и рядом солидаризируются естествоиспытатели, обогащая тем самым методы своей исследовательской работы. Третьи философские учения сосредоточены на исследовании повседневного, обыденного человеческого опыта, который формируется, в основном, независимо от науки, образования, исследования. Поэтому философия, если исключить явно враждебные наукам философские учения, пред-

ставляет собой единство научного и вненаучного (но отнюдь не антинаучного) знания, ибо понятие знания несравненно шире понятия науки, и ненаучное, личностное знание образует существеннейшее содержание духовной жизни людей. Следовательно, ответ на поставленные выше вопросы не может быть однозначным.

3

Если вопрос «Что такое философия?» задается учеником, обращающимся к учителю, то тем самым предполагается, что ответ на этот вопрос безусловно имеется, известен учителю и неизвестен лишь тому, кто этот вопрос задает. Но если этот же вопрос, как это всегда происходит с каждым философом, с неизбежностью встает перед ним, то это означает, что имеющиеся ответы на указанный вопрос не удовлетворяют философа, что он пытается путем исследования по-новому ответить на этот вопрос, ибо речь идет о назначении и судьбе философии и больше того: о самом смысле человеческого существования и даже о том, имеется ли такой смысл вообще.

Разграничение новой, новейшей и старой, даже древней философии носит главным образом хронологический характер, ибо старая, даже самая древняя философия не стареет. Платонизм, аристотелизм, стоицизм, скептицизм, эпикуреизм и, конечно, не только они – современны. И нет ничего удивительного в том, что замечательный русский философ Владимир Соловьев утверждает в одном из своих стихотворений:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Соловьев не ссылается при этом на Платона, но само собой разумеется, что он воспринимает своего гениального предшественника как философа своего времени, своего современника. И действительно, все выдающиеся философы, пусть и самого далекого прошлого, наши духовные современники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.